

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

XII век

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

XII век

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА
СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслах. Востану рано, исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотю и мудростию.

Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съюзъ сердца моего и разбих злѣ, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Азь бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имѣю плода покаянию; имѣю бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нырищи, забдѣх; и расыпаса животъ мой, аки ханаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своеа.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычене твоеи любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и той тя препитаеть въ вѣки.

Азь бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на ню же ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенець. Возри на птица небесныа,

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ
СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гусях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотой и мудростью.

Был язык мой как трость книжника-скорписца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния; ибо имею сердце — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на вершинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных —

яко тии ни орють, ни сѣють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ на нем сѣдя плачь горкии; и кому ти есть Новѣгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отврѣгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенѣ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолженѣ животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимера, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужъ везде знаем есть и на чюжен странѣ друзи держить; а убогъ во своен ненавидим ходить. Богат возглаголетъ — вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогии возглаголетъ — вси на нь кликнуть. Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от усть лвовѣ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посѣкають его и на огонь мечють; тако и азъ всѣм обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинетъ часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многия бѣды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжен бѣди, а о своен не можетъ смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человекъ напастъми; пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ являетъ, а в печали обрѣтаетъ человекъ умъ сврѣшенѣ. Молеве, княжи, ризы ѣдятъ, а печаль человека; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человека призрит, какъ студеною водою напоить во зноинныи день.

Птица бо радуется весни, а младенецъ матери; весна украшаетъ цвѣты землю, а ты оживляеши вся человекы милостию своею, сироты и вдовици, от велможъ погружаемы.

не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье мое. Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку с¹ мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают подножку мне поставить; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат,— гордостью вознесусь, если же буду беден,— задумаю воровство или разбой», как женки распутство.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, потомок великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде ведом — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напастях обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студенной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образ твои красенъ; мед истачають устнѣ твои, и послание твое аки рай с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеша сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пьюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мягких постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоя согбена на подавание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являетъ; тако и ты, княже, многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же рѣша: нашъ царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужей не добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! намъ ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же бог повелитъ, тако будетъ: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надѣйся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки.

Дивна за буяном кони паствити, тако и за добрымъ князем воевати. Многожды безнаряднемъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страются персты, а тѣло основается жилами; дубъ крѣпокъ множеством корениа; тако и градъ нашъ твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многим: мнози бо оставляють отца и мать, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшей работы. Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без береговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо чловѣки, но и звѣри; а князь скупъ, аки рѣка въ брезѣх, а брезии камены: нѣлзи пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладяз сладокъ при пути напаяетъ мимоходящих; а бояринъ скупъ, аки кладязь сланъ.

Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огонь трепетицею накладенъ,

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, множеством своей челяди честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от этого города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как бог повелит, так и будет; погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужиться свободы, а злому господину служба, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: прохожих поит; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный,

и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искорь не можеши устречися и сождениа портъ.

Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищъ бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутренняя моа. Азь бо, господине, одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обиленъ; унъ възрастъ имѣю, а старь смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орель по воздуху.

Но постави сосуд скуделничъ под лѣпокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса устъ моих. Яко же Давидъ рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай, и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрых желаютъ благых, а безумнаго дому пира. Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказанія безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будетъ.

Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят. Какъ в утель мѣх лити, такъ безумнаго учить; псомъ бо и свинямъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камень въсплавлет по водѣ, и коли иметь свиня на бѣлку лаяти, тогда безумныи уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвилъ. То не видал есмь неба польстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: сългалъ еси аки песь. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългалъ еси аки тать. Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвица бо погубляетъ красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огонь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци вводятъ. З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будетъ.

Глаголетъ бо в мирскихъ притчах: не скоть въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрех ожь; ни рыба въ рыбах ракъ; ни потка въ потках нетопырь; не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть; не жена в женах, иже от своего мужа блядетъ; не робота в роботах под жонками повозъ возити.

Дивнѣи дива, иже кто жену поймаеть злобразну прибытка дѣля.

а рядовичи его — что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилён; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напояют душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князь и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не жаловался. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видѣх жену злообразну, причичюще к зеркалу и мажушися румянцемъ, и рѣх ей: не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

Или ми речеши: женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пии и яжъ. Ту лѣпше ми волю буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: волю бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бѣема бѣсѣтъся, а кротима выситя, въ богатествѣ гордость приемлетъ, а в убожествѣ иных осужаетъ.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослѣпление уму, начальница всякой злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасения.

Аще который муж смотритъ на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаетъ, то даи богъ ему трясцею болѣти, да будетъ проклят.

Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мой и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своеи. Жены же у церкви стоите молящися богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена вѣнецъ мужу своему и безпечалие; а зла жена люта печаль, истощение дому. Червь древо тлеть, а зла жена домъ мужа своего теряетъ. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нежели зла жена учить; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учения слушаетъ, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаетъ.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женской злобы. Женою сперва прадѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящей с чемеремъ!

Нѣ у кого же умрѣ жена; онъ же по матерных днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будутъ родилися в мать, то, возрошьши, мене продадут.

Видел жену безобразную, прикинувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братия, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена, он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Еще возвратимся на предняя словеса. Азь бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеный сотъ; тако и азъ, по многимъ книгамъ исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морския.

Да уже не много глаголю. Не отмѣтай безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати. Да не буду аки мѣх утель, роня богатство в руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываетъ. Глаголетъ бо в мирскихъ притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся челоувѣкы под нози его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида и умножь, господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА (Стр. 388)

- К числу наиболее интересных и вместе с тем наиболее загадочных литературных произведений Древней Руси принадлежит памятник, в первой своей редакции обычно называемый «Словом Даниила Заточника», а во второй — «Молением Даниила Заточника». Неясен прежде всего адресат этого произведения: ученые относят отдельные его редакции то к сыновьям Владимира Мономаха — Юрию Долгорукому или Андрею Владимировичу Доброму, то к сыну Всеволода Большое Гнездо — Ярославу Всеволодовичу, и т. д. Неясна также и сама личность Даниила: одни из исследователей считают его дворянином, другие — дружинником князя, третьи — холопом, четвертые — ремесленником. Говорилось и о том, что Даниил вообще не имел устойчивого социального положения. Не решен вопрос и о том, был ли Даниил заключен, был ли Даниил один или было двое Даниилов; наконец, есть и такая точка зрения, что за произведением этим вообще нет какой-либо реальной основы, что Даниил — это чисто литературный образ.
- Каковы бы ни были споры по поводу этого произведения, ясно следующее: «Слово» или «Моление» — памятник исключительно своеобразный, свидетельствующий о высокой литературной культуре домонгольской Руси.
- Основная часть «Слова» или «Моления» состоит из своеобразных, ритмически организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением вначале: «Княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе книжного материала автор выказывает себя широко образованным писателем, человеком из утонченной литературной среды, который не боялся остаться непонятым, — следовательно, имел образованных, сведущих читателей.
- В своей образной системе «Слово» или «Моление» Даниила Заточника больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII веков, опирается на явления русского быта. Даниил как бы щеголяет своей грубостью, нарочитой сниженностью стиля, не стесняясь бытового словаря, и, не задумываясь, пародирует даже Священное писание, переделывая цитаты из псалмов, и вольно обращается с летописным материалом. Порой перед нами явно проступают скоморошеские приемы.
- Юмор Даниила — это скоморошье балагурство. Он пересыпает свою речь различными небылицами, рисует бытовые сценки; есть у него и сатирические выпады против бояр, против богатых вообще.
- Книжные элементы у Даниила занимают очень солидное место. Он не чуждается книжных образов, книжных тем. Произведение Даниила, безусловно, книжное, хотя и возникшее на началах народного творчества.
- Кем бы Даниил ни был — холопом или «дворянином» (в значении, свойственном XII—XIII вв., — то есть членом княжеского «двора»), он, во вся-

ком случае, вышел из низших слоев общества, принадлежа к тем его представителям, которые назывались княжескими «милостниками» и которые энергично поддерживали в это время сильную княжескую власть в ее борьбе с боярством.

Текст «Слова» печатается по публикации Н. Н. Зарубина: «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Л., 1932. В основу положена основная редакция XII века.

Стр. 388. *Псалтырь*. — Здесь — музыкальный инструмент (см. коммент. к с. 66). *Трость* (отточенный кусок тростника) — один из инструментов для письма в Византии, а отчасти, по-видимому, и в Древней Руси в XI—XII вв.

...*древняя младенца о камень*. — Библейский символ младенцев, разбиваемых о камень, выражает высшую степень народного несчастья.

...*аки она смоковница проклятая*... — Согласно Евангелию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

...*и рассыпая животъ мой, аки ханаонский царь буестию*... — По-видимому, имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона. Стены Иерихона рассыпались от трубного звука и кликов еврейского войска.

...*аки Чермное море фараона*. — Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском.

...*аки Агарь рабыни от Сарры*... — Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Агарь, сделавшись женою Авраама и видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смиряла» Агарь, и та убежала. На пути Агари явился ангел и вернул ее к Аврааму.

Стр. 390. *Лаче озеро* — озеро Лаче на севере Новгородской области.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение... — Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, не Ростиславом, а переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Возможно, автор «Слова» имеет в виду здесь, что Ростислав (по-видимому, сын Юрия Долгорукого — Ростислав Юрьевич) только передал слова, сказанные Андреем Добрым.

...*сыне великаго царя Владимера*... — Под Владимиром здесь мог разумеаться Владимир Мономах или какой-либо другой князь Владимир: например, внук Мономаха — Владимир Мстиславич.

Стр. 392. *Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго*... — Езекия — еврейский царь; согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Меродах Валадана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон.

...*Святославъ князь, сынъ Ольжинъ*... — Имеется в виду знаменитый Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приводимые здесь слова Святослава в летописи отсутствуют.

Сионъ — гора близ Иерусалима. Здесь цитата из псалма 124-го («Надеющийся на господя, как гора Сион»).

Дивиа за бугном кони паствити... — Пасти коней, наблюдая за ними с бугра, удобно в нескольких отношениях: с бугра хорошо видны все кони, изда- лека может быть замечено приближение неприятеля, и за бугром легче найти укрытие во время непогоды.

Стр. 392—394. *...тивунъ бо его аки огонь трепетицею накладенъ и рядовичи...* — Рядовичи — закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Смысл сравнения в том, что княжеский управляющий (тиун), как огонь, сыплющий искры («на осине разожженный»), распространяет вокруг себя закабаление.

Стр. 394. *...повозъ возити* — обязанность доставлять дань или оброк в назна- ченное место.

Стр. 396. *...жены ради Иосифъ Прекрасныи в темници затворенъ бысть...* — Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу.

...жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша... — Здесь в «Слове» неточ- ность. По библейскому преданию, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, но причиной этого была не женщина.